

Александр ТАМОНИЖОВ

ВОЙНЫ И СУДЬБЫ

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Александр Тамоников

Тени прошлого

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Тени прошлого / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-95411-7

Лейтенанту Михаилу Козыреву светила хорошая должность в «тепленьком» местечке, но молодой офицер предпочел боевую службу в Афганистане. Во время одной из операций колонна советских машин попала в засаду. Тяжело раненный Козырев оказался в плену у душманов. И не избежать ему мучительной смерти, если бы в пленника не влюбилась дочь главаря банды. Чувства молодых людей оказались взаимными. Поставленный перед выбором: начать новую жизнь среди афганцев или умереть, Козырев делает судьбоносный шаг. Но спустя годы он снова берет в руки оружие и выполняет свой долг до конца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95411-7

© Тамоников А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Тамоников

Тени прошлого

Все, изложенное в книге, является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.
А. Тамоников

© Тамоников А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Глава 1

Демократическая Республика Афганистан. Полевой лагерь N-ского мотострелкового полка у селения Хакар. Воскресенье, 18 сентября 1988 года

Командир роты материального обеспечения старший лейтенант Бутаев и его заместитель лейтенант Козырев не торопясь шли к модулю, в котором проживали. За их спинами виднелись две большие палатки для личного состава подразделения.

Командир окончил Самаркандское командное училище, заместитель – Рязанское инженерное. Геннадий Бутаев дослуживал последний месяц из двух лет так называемой командировки. Михаил Козырев прибыл сюда недавно, после окончания училища. Командир роты все еще вводил молодого офицера в специфику службы в Афганистане.

С момента прибытия в полк Козырев был немного удивлен тем, что здесь, за речкой, служба сильно отличается от того, что он видел на стажировке, в мотострелковом полку Московского военного округа. Там соблюдалась существенная дистанция между военнослужащими, носящими разные звания. Здесь она, конечно, тоже присутствовала, но в повседневной жизни как-то сглаживалась. Лейтенант тут не отдавал чести капитану, естественно, если тот не стоял на три ступени выше по должности, не являлся, скажем, заместителем командира полка. Многие офицеры носили кроссовки вместо берцев и солдатские панамы.

Да и форма отличалась кардинально. Афганки песочного цвета, полевые звездочки на вставках вместо погон, предусмотренных уставом, облегченные комбинезоны.

В роте материального обеспечения прапорщики вообще общались с сержантами и старослужащими на «ты», по имени.

Сегодня офицеры зашли в каптерку, дощатое строение, стоявшее за первой палаткой. Они обнаружили там пьяных старшину-прапорщика и его земляка сержанта, лежавших в обнимку. Ротный посмотрел на них, вызвал дежурного и приказал ему не выпускать алкашей из каптерки, пока они окончательно не придут в себя, чтобы не засветились перед командованием части. Вот и все! Возможно, потом он и устроит им разнос, но на данный момент по виду старшего лейтенанта этого утверждать было нельзя.

Он шел рядом с заместителем, улыбнулся и проговорил:

– Вижу, Миша, ты хочешь спросить, почему тут такой бардак.

– Да уж, с дисциплиной в полку туговато.

– Дружище, это не бардак. Люди на войне, а у нее свои законы. Ты еще много чего увидишь такого, что и представить себе не мог. В свое время я тоже думал, что в войсках все то же самое, что и в училище, но на себе убедился в обратном. А в Афгане не просто войска, здесь действующая армия. Конечно, я накажу прапорщика и сержанта. Но Магомедов, старшина роты, и Володя Санин – нормальные парни. Они побывали там, где врагу не пожелаешь, и насмотрелись всякого. У Магомедова орден Красной Звезды, у Санина медаль «За боевые заслуги». Я же тоже к ордену был представлен, но в штабе полка посчитали, что пропагандист заслуживает его больше.

– Вы имеете в виду майора Иванова?

– Он у нас один в полку. И в прямом, и в переносном смысле. Кругом правильный. Даже замполит полка проще. А Иванов – белая кость. Перед тем, кто ниже его по должности и званию, понты кидает, начальству готов днем и ночью задницу лизать. – Бутаев сплюнул в песок дорожки. – Вот и вылизал себе орден, ни разу не выходя на боевые.

Лейтенант вздохнул и заявил:

– Да, спеси в нем хватает.

Командир взглянул на заместителя и полюбопытствовал:

– Что, уже имел с ним дело?

– Так точно. Когда вы с ротой на обеде в столовой были. Вчера после парко-хозяйственного дня...

Бутаев прервал лейтенанта:

– Я тебе что говорил? Когда мы наедине, брось эти «так точно», «никак нет», «товарищ старший лейтенант». Я же всего на год тебя старше. А должность? Заменюсь, тебя поставят на роту. В конце следующего года старлеем ходить будешь.

– Как-то непривычно.

– Привыкай, Миша. Чем быстрее, тем лучше. При подчиненных бди формальность, как оно и положено, а среди командного состава не надо. Лишнее это, пустое. Но ты не договорил о встрече с Ивановым. – Бутаев достал пачку сигарет, протянул Козыреву. – Будешь?

– Да вроде...

– Нельзя во время перемещения? И на это забей. Так будешь?

– Воздержусь.

– Дело твое. – Старший лейтенант прикурил. – Давай, Миша. Я слушаю!

– Так вот, вы... извини, ты с ротой был в столовой, я – в палатке. У отсека канцелярии. Слышу, дневальный подает команду: «Дежурный по роте на выход!» А тот только встал после отдыха, умывался за палатками. Думаю, может, кто из взводных пришел? Так вроде все в модуль подались после офицерской столовой. Появился бы ты или другой вышестоящий прямой начальник – была бы команда «Смирно», а тут!.. Выхожу к дневальному. Рядом майор, в руках что-то наподобие тросточки, самодельной, но шарма добавляет. Весь такой чистый, аккуратный, усики пострижены, ровно два сантиметра волос под кепкой. Я представляюсь, а он тростью по ноге стучит и спрашивает, мол, новенький? «Так точно», – отвечаю. Он представлялся так, словно пропагандист полка – это что-то незаменимое в войсках.

Бутаев рассмеялся и заявил:

– Конечно, куда же мы без пропагандистов, секретарей парткомов, комсorghов? Без них полк сразу же духи сотрут в пыль. Извини, продолжай.

– Майор поднял трость, ткнул ею в стенгазету. «А это что такое, товарищ лейтенант? Что за дерьмо вы вывесили здесь!» Отвечаю, дескать, стенгазета. У него глаза округлились так, будто кобру у ног увидел. «Нет, лейтенант, это не стенгазета, даже не пародия на нее, а издевательство».

– А что такого он увидел в стенгазете? Писарь все как всегда в нее налепил.

– Да только сверху написал «Партия – ум, честь и совесть наши плохи». Именно так, Миша, а не «нашей эпохи», как в партбилете.

– Вот же сучонок этот Кужак! Надо же так подставить! А ведь Иванов теперь может целое дело раздуть. Он забрал стенгазету? Я что-то внимания не обратил. Хотя, по-моему, доска пустая была, да?

– Иванов хотел забрать, но не успел. Я сорвал стенгазету, смял и за спину спрятал.

– Вот это молодец! А из Кужака я завтра ишака сделаю.

– Не надо. Говорил я с ним. Рядовой Сангулов сам не поймет, как это вышло. А исправленная стенгазета после обеда будет висеть.

– Не поймет он! Уснул поди как конь в оглоблях.

– А вот тут, командир, отдельная тема. По штату в роте нет никакого писаря. Сангулов – специалист отделения технического обслуживания. Почему он в свободное время пишет тебе конспекты, оформляет боевые листки, эту стенгазету, в конце концов?

– По-твоему, я сам должен убивать время на то, чтобы переписать текст из журнала «Коммунист Вооруженных сил» в тетрадь для политзанятий? Мне больше делать нечего? У нас на пять машин меньше, чем положено по штату. Хорошо хоть, что мусоровоз своими силами отремонтировали, а то заставил бы нас Хряк на себе таскать всякое дерьмо.

Хряком в полку за глаза называли заместителя командира по тылу майора Левенко. Из-за его более чем солидного живота.

– И потом, Миша, за каким хреном надо переписывать текст? Можно читать бойцам статью прямиком из журнала. Нет, офицер, проводящий политзанятия, обязан составить конспект.

Козырев пожал плечами и сказал:

– Я и сам думаю, что это пустая трата времени.

– А ты скажи то же самое секретарю парткома. В момент из тебя врага народа сделают.

– Сейчас уже нет.

– Другие времена? Горбачевская оттепель? Нахлебаемся мы еще этого добра. Ладно, утряс дело со стенгазетой, вот и хорошо. Но имей в виду, Иванов, как говорится, человек не злопамятный, однако память у него очень хорошая. Он тебе подобной дерзости не забудет и не простит. Так что на награды, пока этот фрукт в полку, не рассчитывай.

– А я здесь не за награды.

– Сам, что ли, напросился?

– Да. Вообще-то, мне предлагали остаться в училище, взводным в батальоне обеспечения учебного процесса, но я настоял на отправке в Афган.

– Ну и дурак! Больше скажу, идиот полнейший. Тебе службу в городе предложили, при училище, с превосходной перспективой карьерного роста. Сначала взводным в БОУПе, потом стал бы ротным. Это уже майорская должность, академия и все дела. А ты в Афган. Или тут, как часто бывает в подобных случаях, свою роль сыграла коварная дама? Так, Миша? Колись. Кинула тебя баба, вот ты сгоряча и написал рапорт. Так было?

– Нет, командир, не так.

– А как? Очень уж интересно. Нет, конечно, если не хочешь, не говори.

– Почему же? У меня осталась в Рязани девушка, можно сказать, невеста. В педагогическом учился на четвертом курсе, физико-математический факультет.

– Во как? Круто. И физик, и математик. Умная, видать, девушка. Но тогда совсем непонятно, за каким чертом ты поперся за речку!

– Хочу проверить себя.

– В каком смысле? Как поведешь себя в бою?

– Что-то вроде того.

– Ну ты и чудик. Хотя среди нас, офицеров, таких большинство. Помню, в штабе Туркестанского военного округа, на шестом этаже, где управление кадров, офицеры, которых вместо Афгана отправляли в части округа, бучу нехилую поднимали, рапорты на увольнение писали. Да и в войсках запахло как-то было отказываться.

– Вот видишь, значит, не один я такой чудик. Сам-то как попал сюда?

– По распределению.

– Откосить не мог?

– Легко! У меня на четвертом курсе бурный роман завязался с дочкой секретаря обкома. Прикидываешь, какая шишка? Когда Валентина, девушка моя, привела меня домой, чтобы познакомить с родителями, я охренел по полной программе. Такой роскоши не видел никогда и нигде. У меня-то родители простые трудяги, отец мастер на заводе, мама воспитательница в детском саду. Жили нормально, но до секретаря обкома, сам понимаешь, как до неба.

– Понимаю, – улыбнулся Козырев.

– Ну вот, посидели мы за столом, армянского коньячку отведали. Я тогда сказал, что мне нельзя, поймают, на губу отправят. А папаша ее: «Кого? Тебя? Того человека, который выпил со мной?» После знатного обеда пригласил он меня в кабинет и спросил, серьезные ли мои намерения. Я, естественно, да, конечно, как же иначе, хотя честно скажу, особых чувств к ней не питал. В постели она была дьяволицей. На том и держался наш роман. Папаша спро-

сил, какие у меня планы на жизнь после учебы. Я: «Куда пошлют служить, туда и поеду». Он: «Даже в самый захолустный гарнизон?» Я ему: «На то и учусь, чтобы служить». Он: «Все это похвально, но как же Валентина? Отдаленные гарнизоны не для нее». В общем, базар в таком духе. В конце папаша говорит: «Я ничего против вашего брака не имею, сам из низов вышел. Но при условии, что ты будешь делать то, что я тебе скажу. Закончишь бурсу свою, уволишься, пристрою в обком комсомола. Квартиру дам». Так и сказал, «дам», словно в городе все ему принадлежало. Да так оно, в принципе, и было. «Даже дачу свою вам отдам, себе новую сделаю. Само собой, машину подарю на свадьбу. Такое вот условие. Полное подчинение и кататься сыром в масле».

– Ну а ты?

– А мне, Миша, после базара этого противно стало. Это что же, я продаю себя? В подкаблучники иду? Да от меня все пацаны с курса отвернутся. «Нет, – думаю. – Секс – это хорошо, а честь, без всякого пафоса, дороже». Ротный мне выдает маршрутку и объявляет свободный выход. А сам с каким-то презрением смотрит. Отказался я. Пошел на КПП, там телефонная будка, позвонил Валентине и объявил об окончании наших отношений. Шумиха поднялась. К генералу вызывали. А после госэкзаменов и выпуска предписание в зубы – убыть в распоряжение командующего ТуркВО. Отомстил секретарь обкома несостоявшемуся муженьку своей дочери. Я в полк прибыл. Через месяц она письмо мне прислала, а в нем фотографии с ее свадьбы. Жених из штатских, довольный, как удав, заглотавший антилопу. На листке всего единственное слово: «Придурок»!

Козырев рассмеялся и заявил:

– Вот видишь, по сути, ты тоже напросился в Афган, а меня дураком и идиотом обозвал.

– У тебя, Миша, другая ситуация была.

– Нет, командир. Один в один.

– Ну и хрен с ней. А твоя невеста-то как?

– Что ты имеешь в виду?

– Веришь ей? Уверен, что ждать будет? Это не неделя, не месяц, а два года, не считая отпуска. Но что такое эти несколько недель? И потом, Миша, здесь, на войне, самое страшное не смерть. Она ведь тот же сон. Поймал пулю и уснул. Это для родных горе, а ты у нас детдомовский, значит, и страдать некому. Самое страшное, если пуля или осколок не убьют, а сделают инвалидом. Этого все боятся. На смерть же идут легко. Даже если и пронесет, то два года – срок большой.

– Моя Ольга дождется, – ответил Козырев.

– Дай бог! Пойми меня правильно, я за то, чтобы у вас все срослось. Да только жизнь штука сложная и непредсказуемая. Точно так же, как и ты, год назад говорил начальник службы ГСМ Гоша Гогидзе. Ты с ним в одном отсеке живешь.

– Да. Что он говорил?

– Невеста у него в Союзе осталась, так он и мысли не допускал о том, что идиллия его разрушится. Поначалу все хорошо было, а потом письмо, как и мне, хотя и без «придурка». Прости, мол, Гоша, ты самый лучший, но не могу я так, каждый день мучиться, думать, жив ты, погиб или раненый в госпитале лежишь. А посему решила выйти замуж за другого. Она просила его не писать, не искать встреч и все в том же духе. Так Гогидзе застрелиться хотел. Начпрод случайно увидел, как Гоша за склады зашел с пистолетом в руке. Сунулся туда и успел отбить ствол от виска. Гоша нажал на спусковой крючок, да пуля в стену ушла. Вот такая, Миша, история про неразделенную любовь. Но все, пришли. Чем заниматься думаешь?

– Не знаю. Может, спать завалюсь, книгу почитаю, в клуб на фильм с ротой схожу. Ты не в курсе, что сегодня крутить будут?

– Нет. Не в курсе. Но ничего хорошего. Что-то интересное начальство в штабах на видаках смотрит.

- Так и у тебя есть видак.
- И я смотрю. Но редко.
- Почему?
- Долго и часто нельзя. Гениталии опухнут и лопнут к чертям собачьим, а мне в Союз скоро.
- Порнухой балуешься?
- Я этого не говорил.
- Ясно. А как же медсестра из санчасти?
- Лиза? О ней от кого узнал?
- Не помню.
- Нас, мужиков, тут много. А баб свободных и безотказных всего пятеро. Так что к Лизухе еще попасть на прием надо. Без подарка, можно наличными, и не пытайся.
- Мне-то что. Обойдусь.
- Посмотрел бы я на тебя через полгода. Но тогда я буду далеко от этих прекрасных гор и милых духов, чтобы их на куски разорвало. Ладно, отдыхай. Будет скучно, заходи. У меня пузырь водки есть, расслабимся. – Ротный подмигнул заместителю. – А там, глядишь, и к девочкам подвалим. Что подарить у меня есть.
- А как же твои соседи?
- А что? Командир ремонтной роты Саша Игнатенко наш человек. Да и другие тоже. Чмыри, Миша, здесь не выживают.
- Козырев усмехнулся и спросил:
- А как насчет Иванова?
- Так он потому и на боевые не выходит. Знает, что вряд ли вернется. Замполит и парторг это понимают, держат его в штабе. Иванов исключение. Он прикрылся политруками, а они надежнее всей авиации, воюющей здесь. У них особая иерархия. Своих они если и сдают, то только в исключительных случаях.
- Понятно!
- Ты отбой проконтролируешь?
- Конечно!
- Ну и добро. Завтра мой день. Понедельник. С подъема буду.
- Давай!
- Давай, командир.
- Не скучай, лейтенант, все будет тип-топ!
- Не сомневаюсь.
- И правильно.
- Офицеры вошли в модуль и разбрелись по своим отсекам.

В секции, где устроился Козырев, находился заместитель командира ремонтной роты старший лейтенант Говоров. Он прослужил в Афганистане год и с неделю назад вернулся из отпуска. Дмитрий ковырялся в старом радиоприемнике, непонятно откуда взявшемся в модуле.

При появлении лейтенанта Говоров обернулся и сказал:

- Это ты? Миша. Что в части?
- Спокойно все. Первый батальон в парке, готовится к выходу. Там же и разведрота.
- Плясать будешь?
- Письмо?
- Как и положено. Почтальон недавно принес. На твоей кровати лежит.

Козырев подошел к своему спальному месту. Да, из-под подушки выглядывал конверт. Он присел, взял его, весь обклеенный марками, и, конечно же, сразу узнал почерк. Писала Ольга, да больше и некому было.

Михаил аккуратно открыл конверт и замер, читая послание от единственного родного человека. Ольга писала, что очень соскучилась, хотя с момента разлуки и прошло совсем немного времени. Она вспоминала сладкие дни и ночи, проведенные вместе. Все искренне, без тени фальши.

Лейтенант Козырев получал письма каждый день и отвечать старался так же регулярно. Пока это удавалось ему.

Сослуживцы посмеивались. Посмотрим, мол, что будет дальше. Но они по-хорошему завидовали лейтенанту.

Козырев прочитал письмо и положил его в тумбочку, в стопку таких же теплых, родных посланий. Скоро придется в чемодан перекладывать, тумбочка не резиновая. Он тут же достал тетрадь и с удивлением обнаружил, что чистых листов в ней не осталось.

– Дима, у тебя тетрадь есть? – спросил Михаил.

– Нет. Раз в месяц сообщаю отцу, что жив и здоров. На это я у других возьму. А твои конспекты где?

– В сумке, а она осталась в канцелярии роты.

– Посмотри в тумбочке Гоши. У него вроде была чистая тетрадь.

– Неудобно как-то.

– Неудобно на потолке спать. – Тут в его приемнике что-то щелкнуло. – Все готово.

Старший лейтенант включил приемник. Сперва из динамиков раздалось шипение, прерываемое треском. Потом послышалась бойкая речь на незнакомом языке. Она звучала так, будто вылетала из глубокого колодца.

– Твою мать! – проговорил Дмитрий. – Только время зря потерял. Придется двухкассетник купить, как нарисуеться командировка в Кабул. Хотел перед дембелем, но возьму сейчас. А то от тоски сдохну.

Козырев тем временем открыл тумбочку начальника службы ГСМ полка капитана Гогидзе. Там на верхней полке, среди сигарет и пары флаконов французского одеколона, действительно лежала новенькая ученическая тетрадь.

– Да бери, – сказал Говоров. – Гоша не обидится. Он редко пишет.

– Ладно, я отдам. – Лейтенант взял тетрадь, устроился за своей тумбочкой.

Говоров же продолжил тему:

– Может, с Гошей поговорить да затариться бочками с бензином и канистрами с маслом?

– Зачем? – Козырев поднял голову.

– Кто-то мне говорил, что в райцентре местном один дукащик товар на ГСМ меняет. За канистру масла джинсы дает. А в Булак попасть гораздо проще, чем в Кабул. Полкан иногда разрешает съездить туда за шмотками.

– На автобусе. Прошлые воскресенья наши ездили. Должен был я старшим быть, но ротный сам поехал.

– Вот и я о том же.

– Но даже если капитан и даст тебе бензин и масло, то как ты бочки с канистрами в Булак доведешь? Не в автобусе же?

– Э-э, Миша, не знаешь ты порядков местных. Здесь ничего невозможного нет. Разведка постоянно шарится по зоне ответственности полка. А в нее входит и Булак. Парни из разведроты там чуть ли не ежедневно бывают. А в БРДМ такой груз легко вместить можно. Ребята поймут и сделают все в лучшем виде. Да, надо этот вопрос с Гошей перетереть. Может, ты подсобишь, Миша? У вас на «Уралы» девяносто третьего бензина многие тонны списать можно.

– Это не ко мне.

– Ясно. Ладно, что-нибудь придумаю. Пойду, посмотрю, что наши архаровцы делают. Водки купить?

– Как хочешь. У меня особого желания нет.

– Это очень даже правильно. Трезвость должна быть нормой жизни.

Козырев улыбнулся и спросил:

– Кто это говорит?

Говоров поправился:

– В Союзе. Здесь нормы другие, чисто временные. Пошел. – Он накинул на себя куртку, надел панаму и вышел в коридор.

Козырев исписал четыре страницы, хотя ничего нового в его жизни вроде и не было. Он вложил письмо в конверт, указал адрес и оставил на тумбочке. Михаил решил, что чуть позже бросит послание в почтовый ящик, висевший на стене модуля.

Парень снял берцы, прилег на кровать, посмотрел на кондиционер, старый, но надежный БК-2000. Вчера днем температура была около пятнадцати градусов. С ночи она начала повышаться и к обеду достигла тридцати двух. Сейчас было жарко, душно и как-то тихо. Пылевой бури можно ждать в любую минуту.

В отсек вошел капитан Гогидзе.

– Скучаем, лейтенант?

– Да все думаю, товарищ капитан, включить кондиционер или нет.

– Не надо. Небо на юго-западе покраснело, а это значит что?

– Что?

– В гости к нам скоро нагрянет ветерок под названием афганец. Возможно, с дождем. Температура спадет. После бури пыли везде в палец будет. Но это не пуля. Она не убивает и убирается собственными силами.

– Какое совпадение.

– Ты о чем?

– Как раз об афганце думал.

– А чего, дорогой, о нем думать? Заявится без приглашения. И что ты ко мне по званию обращаешься? Мы же соседи.

– Извини, Гоша, как-то вырвалось. Я у тебя пару листков из тетради выдернул, ничего?

– Зачем спрашиваешь? Надо, бери. – Он улыбнулся. – Своей девочке писал?

– Да. Она прислала письмо, я ответил.

– Не понимаю, о чем можно каждый день друг другу писать.

– Сам не писал?

Капитан помрачнел.

– Не каждый день. А хоть бы и по тетради, что изменилось бы? Не смогла ждать меня девушка. Не захотела.

– Извини.

– Тебя-то за что извинять? – Капитан присел на кровать, прикурил сигарету.

Дымить в отсеках было запрещено, для этого имелась курилка, но офицеры и прапорщики не обращали на данное распоряжение ни малейшего внимания.

Он начал снимать ботинки, как в дверь постучали.

– Открыто, – крикнул Гогидзе.

В проеме появился солдат:

– Разрешите обратиться, товарищ капитан?

– Что тебе?

– Так не мне, а дежурному по части.

– И что надо дежурному?

– Ему тоже ничего.

– Ты чего вообще приперся, боец?

– Так вас в парк зампотех вызывает.

– Да я только оттуда.

Рядовой пожал плечами:

– Дежурный приказал мне передать вам распоряжение. Я это сделал. Разрешите идти?

– Иди.

Посыльный ушел.

Гогидзе цокнул языком.

– Какого хрена? Разведку не заправили, но там техник остался. Нет, подавай начальника службы. Наверняка по пустякам, расходные ведомости подписать. Как будто я не могу в штабе закорючки поставить. Бумажную волокиту ни одна война не убьет. Бюрократия бесмертна. Ладно, надо идти. Зампотех у нас с заскоками. Он может и караул прислать. – Начальник службы ГСМ завязал шнурок, поднялся. – Пошел. Не скучай. Вернусь, в нарды сыграем. Ты не против?

– Партию можно. Потом в расположение пойду.

– Далось оно тебе?

– Я ответственный сегодня.

– Клал бы ты на эту ответственность. Внутренний наряд есть, чтобы за порядком следить. А то ввели хрень, в каждой роте по офицеру держать. Впрочем, в Союзе то же самое. А в уставе, между прочим, ни слова об ответственных нет. Бардак! – проговорил Гогидзе и ушел.

Козырев закрыл глаза. Воспоминания тут же захлестнули его.

Он познакомился с Ольгой Володиной два года назад. Козырева с группой таких же курсантов отправили в педагогический институт на мероприятие, посвященное какой-то круглой дате вуза. Сначала была официальная часть, затем развлекательная. Проще говоря – дискотека. Тогда-то Михаил и увидел миниатюрную брюнетку, сидевшую у сцены, на которой играла группа из училища. Она почему-то не танцевала. Он подошел к ней, пригласил, девушка согласилась. Оля сразу понравилась Козыреву. Скромная, какая-то стеснительная.

Курсантов после дискотеки отпустили до отбоя, и он проводил девушку до дома. Оля жила недалеко, так что прогулка получилась короткой. Они постояли возле ее подъезда. Козырев сказал, что хотел бы встретиться с ней, как пойдет в увольнение.

И пошло-поехало. Как только его отпускали, Михаил тут же бежал к Ольге. Он ждал ее возле института, если была суббота, в парке культуры и отдыха по воскресеньям. Денег курсанту хватало лишь на то, чтобы угостить девушку мороженым, сводить в кино или в музей. Ольга любила эти заведения.

Позже она стала приглашать его домой. Он познакомился с ее родителями. То, что влюбился, понял неожиданно, когда на выходные заступил в наряд.

Парень себе места не находил в пустой казарме и позвонил ей. Она обрадовалась. Болтали почти час. Говорили бы и больше, но нагрянул дежурный по училищу, и ему пришлось положить трубку. За использование служебного телефона в личных целях курсант схлопотал выговор, но что это значило по сравнению с целым часом разговора с любимой!

Незаметно пробежали два года. Прошли государственные экзамены, защита диплома, встал вопрос о месте дальнейшей службы. Козырев прекрасно помнил тот разговор с командиром подразделения полковником Зуевым.

– Ну, без пяти минут лейтенант Козырев, рассказывай, как дела на личном фронте? – прежде всего спросил тот.

Михаил отшутился:

– Как говорится, на личном фронте без перемен, а если серьезно, то хорошо. Даже не верится, что так может быть.

- Может, курсант. Жениться не собираешься?
- Решили повременить, пока Ольга закончит педагогический институт.
- Верное решение. А то пойдут дети, пеленки, бессонные ночи, не до учебы ей станет.

Значит, невеста твоя в будущем учительница?

- Так точно.
- Хорошо. Кто по специальности?
- Она учится на физико-математическом факультете.
- Вообще прекрасно!

Козырев не без удивления посмотрел на Зуева.

Полковник улыбнулся и заявил:

- Чего удивляешься? В общем, расклад такой. Ты же у нас на золотую медаль шел, да?
- Так точно. Не думал, что их заранее распределяют в Москве.

– А я тебе советовал завалить пару предметов на последней сессии. Тогда медали у тебя не было бы, зато красный диплом получил бы. А теперь, когда на госэкзаменах четверку схлопотал по эксплуатации, ни медали, ни диплома с отличием. И никому никакого дела, что она у тебя единственная за весь период обучения.

- Какая, в принципе, разница? Офицером-то я уже, можно сказать, стал.

– Офицером стал, выписано удостоверение, диплом. А разница в чем? Из тебя будет толк. Пару лет взводом покомандуешь, затем ротой. А учебная рота – это уже майорская должность. Можно в академию поступить. Тут диплом с отличием сыграл бы свою роль.

- Я и без отличия поступлю, если надумаю.

– Возможно. Короче говоря, Михаил, на госэкзаменах тебя откровенно срезали. На билет ты ответил безупречно, и никаких причин засыпать тебя дополнительными вопросами не было. Но кто-то очень убедительно попросил об этом. Я предлагаю тебе остаться служить в училище. Сам приму первый курс, ты же пойдешь в батальон обеспечения. Через год я заберу тебя к себе на учебный взвод, потом, если все будет нормально, станешь ротным. Капитаном поступишь в академию. Выйдешь майором, как минимум заместителем командира отдельного автобата, а то и преподавателем на кафедре родного училища вернешься. У невесты жилье собственное есть?

- Нет, конечно. Но у родителей просторная трехкомнатная квартира в центре.

- Вот! Жить будете вместе.

- Извините, товарищ полковник, но это уже личное.

– Ладно, сам решай. После свадьбы к родителям жены иди или занимай вполне приличный номер офицерского общежития. Это по сути та же самая квартира в малосемейке.

- Вы мне вроде как компенсацию за подлость комиссии на госэкзаменах предлагаете?

- Как хочешь, так и думай. Но ты действительно нужен мне.

- Спасибо, конечно, но я написал рапорт в Афганистан.

- Это когда все их подавали по инициативе политотдела?

- Так точно, но я это сделал вполне обдуманно.

- Не понял. Ты что, хочешь в Афган?

- Так точно!

– А ты знаешь, что там иногда убивают? Но самое страшное в том, что оттуда можно вернуться калекой. Даже без этого служба за речкой не сахар. Я в курсе, сам там отрубил с восьмидесятого по восемьдесят второй годы. И невесты рядом не будет. Только письма. Если девушка выдержит два года.

- Я все знаю, товарищ полковник.

- Значит, отказываешься от предложения и настаиваешь на отправке?

- Так точно.

– Но объясни мне зачем, Миша? Кому нужно твое геройство? Не видишь, что начинается в стране?

– Тем не менее я прошу удовлетворить мою просьбу, отраженную в рапорте.

Зуев встал, прошелся по кабинету и осведомился:

– Ты с Ольгой своей это решение обсуждал?

– Сегодня хотел.

– Вот и обсуди хорошенько. Да не упрямясь. Послушай любимого человека. Вместе все взвесьте. Завтра придешь и доложишь, что вы решили. Где-то после десяти я буду здесь. Обязательно сделай это, Миша, потому как завтра я должен подать списки с ходатайством о распределении в отдел кадров. Потом что-либо изменить будет невозможно.

– Я вас понял, товарищ полковник. Завтра в десять я буду у вас.

– И не дури. Прислушайся к совету человека, который на себе познал, что такое партизанская война в горно-пустынной местности. Простреленная нога до сих пор в непогоду ноет, сил нет. Пилюли приходится глотать, целую аптечку под боком держать.

Козырев удивился. О том, что командир служил в Афганистане, парни знали, видели на кителе планки ордена Красной Звезды, медали «За боевые заслуги» и какой-то афганской. Но о его ранении не говорил никто.

Поэтому у Михаила и вырвалось:

– Вы были ранены?

– Дважды, Миша, и один раз контужен. В первом случае пуля пробила мягкие ткани ноги. Вроде ничего серьезного, отлежался в дивизионном медсанбате, но и сегодня боль донимает. Потом снайпер духов попал в плечо, кость перебил. Это уже я в армейском госпитале лечился. А последний – вообще случай из разряда чудес.

– Расскажите, товарищ полковник, – попросил Козырев.

Зуев посмотрел на часы.

– У меня только две минуты. В общем, шли мы ротной колонной. Я в замыкании, позади только БТР охранения. Дело недалеко от перевала Саланг было. Обстреляли нас внезапно. Вообще духи устраивали засады грамотно, если так можно выразиться, в три эшелона. Впереди стрелки или группы захвата. Они укрывались непосредственно на ближнем рубеже, на склонах или на окраине зеленки. Расчеты гранатометчиков позади, на вершинах перевалов, хребтов, высот. Но не более чем в трехстах метрах. Такова дальность прямого выстрела РПГ. А вот на расстоянии до километра душманы держали группы прикрытия. Там были минометы, безоткатки и даже пусковые контейнеры с реактивными снарядами, снятые с разбитых «Градов». Однако самое хитрое, что они придумали, так это отвлекающие группы со стрелковым оружием и гранатометами. Их задача состояла в том, чтобы связать боем охранение, отвлечь на себя. Они действовали до места основной засады. Ведь по тактике при обстреле в бой вступает охранение. Колонна тем временем прорывается из опасной зоны. Она проходит вперед, встает в условленном месте и дожидается подхода транспортеров или БМП, пока еще ведущих бой. Духи усвоили это и стали устраивать засады там, где вставали машины. Начальник нашей колонны, естественно, информировал ближайший сторожевой пост о нападении, подошли вертушки. Но до этого по нам ударили из засады. Это был ад, Миша. Взрывы, дробь пуль о кабины и кузова, крики раненых. Ты видел когда-нибудь, как горит автозаправщик?

– Откуда?

– И не нужно видеть. Вспыхивает в момент и сгорает за минуту. Впрочем, как и любая другая штуковина с мотором. Я занял позицию за передним колесом машины техобслуживания. Стреляю вслепую по склону и вдруг осознаю, что бойцы-то мои молчат. Они тогда еще не обстрелянные были. Посмотрел в сторону колонны. Видимость плохая, все дымом заволочло. По склону спускаются несколько групп боевиков, в каждой рыл по десять, ведя непрерывный огонь. Ну, думаю, доберутся до дороги, кранты личному составу. Дал очередь по одной из таких групп. Двоих срезал. А сам рванулся своих поднимать. Броники тогда носили только на выходах, в колонне их больше вешали на окнах дверей. Тяжелые они, и жарко в них. Перебе-

гаю от машины к машине. Вдруг вспышка, грохот, удар в грудь, боль в затылке и... тишина. В госпитале в Ташкенте узнал, что мина в пяти метрах разорвалась. Оттого и бросило меня взрывной волной на кузов. Влепился башкой нехило. А чудо состояло в том, что ни один осколок я не поймал. Хотя предпочел бы его, чем тяжелую контузию. У меня еще вроде обошлось, не считая внезапных приступов с сильнейшей головной болью. Некоторых парней позже парализовало, кого-то инсульт разбил, кто-то ослеп. Жесть, в общем. Но все, время вышло. Я в штаб, а ты к невесте. До завтра.

– До завтра, товарищ полковник.

Козырев помнил, как с искренним уважением проводил командира и поехал в институт. Ему повезло, он встретил Ольгу у остановки и окликнул.

Девушка улыбнулась.

Они подошли друг к другу.

– Здравствуй, любимая.

– Здравствуй, милый.

– Как твои успехи?

– Приезжала сдать учебники.

– В курсе, поэтому и направился сюда.

– Еще немного – и опоздал бы.

– Дома нашел бы.

– Тоже верно. А почему мы такие серьезные сегодня?

– Потому, что нам надо с тобой серьезно поговорить.

В глазах девушки мелькнул испуг.

– Что-то произошло? Ты разлюбил меня? У тебя появилась другая? Или она всегда была?

– О чем ты говоришь, Оля? У меня есть только ты. Больше мне никто не нужен.

– Правда?

– Правда. Слово офицера.

– Так ты еще не офицер.

– Уже офицер, только без формы. Пойдем в парк?

Погода в тот день выдалась теплая, комфортная, где-то градусов двадцать, безветренно. Огромные белые облака висели над городом суровыми айсбергами, между которыми пробивалось солнце.

– Хорошо, – согласилась девушка.

– Хочешь мороженого?

– Нет, прошлый раз вечером горло заболело, пришлось маме лечить меня. До сна просидела под полотенцем над кастрюлей с картошкой. Это ингаляция называется.

– Не удивительно, ты за один заход съела три пломбира.

– Я у тебя сладкоежка. Пойдем.

Они прошли в парк культуры и отдыха, присели на скамейку.

– О чем таком серьезном ты хотел поговорить со мной?

– Оля, я еду служить в Афганистан.

Глаза девушки округлились.

– Куда? В Афганистан? Но там же война, Миша. Из нашего класса двое ребят погибли.

– Я знаю, что там война.

– Тебе приказывают ехать в Афганистан?

– Нет, напротив. Сегодня командир предлагал мне остаться в училище.

– Ничего не понимаю. Тебе предложили служить в городе и ты отказался?

– Да.

– Но почему?

– Знаешь, Оля, может, это прозвучит пафосно, по-детски, но я хочу проверить и себя, и наши отношения.

– Это нельзя сделать здесь?

– Нет. Лишь на войне люди узнаются по-настоящему. Только разлукой проверяется любовь.

– Спорное утверждение. Ты про меня вспомнил, когда думал о высоких материях? Каково мне придется здесь, в городе, зная, что ты за несколько тысяч километров от меня и жизни твоей каждую минуту угрожает опасность?

Козырев обнял девушку:

– Не сгущай краски, Оля. По статистике, в Афганистане гибнет в три раза меньше людей, чем в авариях разного рода. А сейчас, когда наши войска контролируют практически всю территорию этой страны, риск минимальный. Можно, конечно, словить случайную пулю или осколок, но я очень постараюсь избежать этого. Так что о плохом не думай. Я вернусь через два года. Ты как раз закончишь институт. Мы сыграем свадьбу и будем жить долго и счастливо. И потом, Оля, у нас много ребят едут в Афганистан. Если я откажусь, то...

– Тебя посчитают трусом, так?

– Примерно.

– Ну и езжай в свой Афганистан. – Девушка надула пухленькие, красивые губки.

– Оля, у нас еще месяц моего отпуска и твои каникулы.

– Они быстро пролетят.

– Я буду писать тебе каждый день, рассказывать обо всем, что происходило за сутки.

– Станешь бессовестно врать, считая, что это ложь во спасение.

– Обещаю, буду писать правду.

– Нет, Миша, ты не станешь огорчать меня.

– Прошу, пойми.

– А если я беременна?

Это было неожиданно. Две недели назад они остались одни в квартире Ольги. Тогда и случилась их первая близость, доставившая обоим огромное наслаждение.

Козырев растерялся и едва смог промямлить:

– Беременна? Это точно?

– Я не проверялась, но такое вполне может быть.

– Так проверься.

– И если беременна?..

Он словно не слушал ее.

– Тебе надо провериться немедленно.

– Но почему?

– Потому, что завтра я должен доложить полковнику наше с тобой обоюдное решение по месту моей службы. В десять часов. Потом что-либо изменить будет нельзя.

– Не знаю, возможно ли это. У мамы, по-моему, есть подруга. Она гинеколог. Только как?..

– Придется сказать.

– Ладно, но если обследование покажет, что я беременна?

– Тогда завтра я приму предложение полковника и останусь в городе. Ведь рождение ребенка все меняет. Нам надо будет расписаться. Потом тебе придется брать академический. Я должен быть рядом. Надо идти к маме.

– Я лучше позвоню ей.

– Она дома?

– Да.

– Телефон-автомат у входа в парк. Пойдем.

Ольга довольно долго разговаривала с матерью. Михаил не слышал ее слов, в будку она его не пустила. Но по лицу девушки было ясно, что разговор не из простых.

Наконец она повесила трубку, вышла из будки и спросила:

– У тебя деньги на такси есть?

– Трешка найдется. А почему такси?

– Придется ехать в больницу, а мамина подруга-гинеколог принимает до двух часов.

– А она успеет сделать анализы до утра?

– Мама ее очень попросит. Мы будем терять время?

Они поехали в больницу. Там Ольгу уже ждала степенная, серьезная женщина в белом халате.

Она бросила взгляд на Михаила и сказала приказным тоном:

– Вы, молодой человек, оставайтесь здесь, а ты, Оля, иди со мной.

– Извините... – начал было Михаил, но докторша перебила его:

– Результаты будут в семь вечера, если это вас интересует.

– Да, спасибо.

Они ушли, а Михаил нервно курил у больницы.

Ольга вышла через полчаса.

– Все! Анализы сдала. Елена Владимировна передала их в лабораторию, теперь остается ждать. Она сама позвонит маме.

– Понятно. Что будем делать сейчас?

– Вообще-то, я проголодалась. Ты потратил деньги на такси. У меня только мелочь. Значит, в кафе нас не ждут. Поэтому предлагаю поехать домой.

– Там меня возьмут в оборот твои родители.

– Афганистана не испугался, а родителей боишься. Ничего они тебе не сделают. Конечно, если анализы будут положительными, то это сначала не обрадует их. Они очень хотят, чтобы я закончила институт. Но потом все изменится, причем очень быстро. Ведь у них скоро будет внук или внучка. А то и двойня. У нас в роду такое случалось.

– Неважно, один ребенок или два. Главное, чтобы с тобой все было в порядке и роды прошли успешно. Ну и, конечно, чтобы ребенок был здоровенький, на тебя похожий.

– Почему на меня?

– Потому, что ты самая красивая девушка в мире.

– Уже женщина, Миша!

– Да, родная моя.

Он поцеловал ее, и они на троллейбусе поехали в центр.

Дома их встретили тихо и мирно. Козырев видел, что это спокойствие напускное, но не услышал никаких претензий.

Зато известие о намерениях Михаила служить в Афганистане вызвало бурю эмоций. Но Ольга, чего Козырев раньше не замечал за ней, быстро всех успокоила, взяла ситуацию в свои маленькие нежные ручки.

Елена Владимировна позвонила в семь вечера и сообщила, что Ольга не беременна. Мать с отцом вздохнули с нескрываемым облегчением.

А вот Ольга вдруг расстроилась и заявила:

– Почему так? Я должна была забеременеть. Вот Галя из группы переспала с другом и тут же... Отчего такая несправедливость?

Теперь уже родители успокаивали Ольгу.

А потом она ему сказала:

– Хорошо. Пусть будет, как решил ты. Только помни свои обещания и за меня не беспокойся. Я стану тебя ждать. Сколько надо, столько и буду. И приму таким, каким ты вернешься.

Даже если – не дай бог, конечно! – будешь тяжело ранен или, извини, станешь инвалидом, знай, я останусь с тобой. Не брошу, не променяю ни на кого.

Ночевать Михаил остался у нее. Родители не препятствовали, но в эту и последующие ночи Козырев предохранялся.

В десять утра он был в кабинете Зуева.

Полковник с ходу спросил:

– Решение?

– Афганистан!

– И невеста согласилась?

– Так точно!

– Не ожидал, честно говоря. Был уверен, что девушка сумеет повлиять на тебя. Но это ваше решение. Пусть будет Афганистан. Я внесу тебя в список, только смотри, Миша, не пожалей потом.

– Не пожалею.

– И что за курсанты пошли? Им карьеру на блюдечке, можно сказать, подносишь, а они просятся на войну. Иди, Козырев. Желаю, чтобы у тебя все было хорошо.

– Спасибо, товарищ полковник. Разрешите идти?

– Иди!

Козырев прошел в казарму.

Вскоре он получил отпуск, который они с Ольгой провели в деревне у ее бабушки, а потом наступил час долгой разлуки.

Гогидзе вернулся недовольный и заявил:

– Миша, представь, вызывают меня в парк, а там всего-навсего надо подзаправить БРДМ. Ну не борзость?

– Что на улице? Внутри душно стало.

– Афганец идет. Я же говорил тебе. Вопрос, накроет полк или мимо пройдет. Лучше уж пусть стороной проскочит, а то потом задолбаемся пыль убирать. Так что, в нарды?

– Давай, раз обещал, но один кон.

– Пойдет.

Нарды являлись самой любимой забавой начальника службы ГСМ. Надо признать, играл он виртуозно, ставил шашки в нужное место сразу, не раздумывая.

Во время игры пришли и другие соседи Козырева, два старших лейтенанта, заместитель командира ремонтной роты Говоров и помощник начальника автомобильной службы Лебедев. О последнем шла молва, что скоро его переведут на должность заместителя командира артиллерийского дивизиона.

Они разделись, Говоров пошел в душ.

Гогидзе, как и всегда, выиграл, чем был ужасно доволен.

– Надо было на пузырь водки играть, – проговорил он, захлопывая доску с шашками и кубиками.

Лебедев усмехнулся и заявил:

– Тогда, Гоша, ты уже спился бы.

Капитан снисходительно посмотрел на помощника начальника автомобильной службы.

– Где ты видел, Леша, чтобы грузин спился? У моего деда в селе полный подвал вина. И не какой-нибудь бормотухи, а самого настоящего, чистого и сладкого, как губы нашей официантки Риты, ароматного, как ее же духи. Двадцать бочек. У нас вино вместо воды пьют, а ты!..

Вернулся Говоров, в душ собрался Лебедев.

Тут за окном резко потемнело, модуль содрогнулся от сильного порыва ветра. Афганец пожаловал в гости.

Свет вырубился. Песчаная буря накрыла территорию, занятую полком, и кишлак Хакар.
– Твою мать!.. – выругался Говоров. – И чего я мылся?

В отсек заскочил полуголый Лебедев и тоже высказался весьма нецензурно.

Стало темно как ночью. Песок бил в стекло как капли дождя.

Афганец пробивался внутрь. Пыль и песок забирались под форму, в постели, в каждую щель, за считанные минуты покрыли тонким слоем пол и мебель.

На этот раз буря длилась недолго – минут двадцать. Следом пошел дождь, первый в этом сентябре. В горах слышались громовые раскаты.

– Полный комплект неудобств, – резюмировал Гогидзе.

Но все заметили, как стало прохладней.

Потом офицеры занялись уборкой. Первым делом они вытряхнули одеяла, выбили матрасы, подушки, форму, затем взялись за отсек.

Над перевалом были отчетливо видны молнии, раскаты грома напоминали выстрелы танковой пушки. Но к пяти часам все смолкло. Теперь об урагане напоминал только арык, который тянулся от части к кишлаку. Он в момент превратился в быструю реку, несущую мутную воду и выбивающуюся из берегов.

Глава 2

В 19:00 лейтенант Козырев пришел в расположение роты.

Появился дежурный, доложил, что происшествий не случилось. Внутренний наряд недавно вернулся с развода, шла смена.

– Оружие принял? – спросил заместитель командира роты.

– Так точно, товарищ лейтенант, – ответил сержант Ревенко. – Все приняли. Да с чем тут возиться-то? Две палатки, семьдесят коек.

– Пойдем, посмотрим, что в палатках.

Лейтенант и сержант прошли внутрь.

Известие о том, что появился заместитель ротного, облетело подразделение, когда Козырев вышел на плац. Деда успели встать с коек, парни с сигаретами переместились в курилку, дневальные привели себя в порядок. Последствия урагана уже были ликвидированы, территория выметена. Бойцы писали письма, гладили форму в бытовке, копались в своих дембельских чемоданах. В общем, все спокойно. То же самое и во второй палатке.

Прибежал дневальный, отправленный в столовую, доложил, что там все готово. В 20:00 заместитель командира первого взвода построил роту и повел ее на ужин.

Лейтенант пошел следом. Ужин тоже прошел обыкновенно, как и всегда. Ничего нового. Все одно и то же.

Из солдатской столовой Козырев пошел в офицерскую. Людей там было еще мало. За столом он сидел один.

Лейтенант покурив на улице. До отбоя оставалось два часа. Михаил решил зайти к ротному.

Старший лейтенант Бутаев находился в отсеке вместе с товарищем, командиром ремонтной роты. На столике открытая банка тушенки, хлеб, сало, непонятно откуда взявшееся, нарезанное крупными кусками. На полу шумел электрочайник.

Бутаев затушил окурок в пепельнице из панциря черепахи и воскликнул:

– Миша, ты вовремя! Что в роте?

– Нормально, командир. Ужин прошел, свободное время.

– Бухих не заметил?

– Нет. Откуда им взяться?

Бутаев кивнул на Игнатенко.

– Саша у себя двоих поймал. В станции ремонта и зарядки аккумуляторов на базе «ЗИЛ-131» через дистилляторы самогона гнали. Напробовались так, что ни бе ни ме сказать не могли, а вот пошла в машине не было. Это при том, что они заквасили виноград в столитровой бочке. А что это значит? То, что самогон ушел в роту. Оттуда и к нам дойдет. Бойцы-то практически вместе живут.

– Не заметил.

– Обкуренных?

– Тоже вроде никого.

– Как на отбой пойдешь, посмотри Губаханова. Он частенько балуется анашой.

– Где берет?

– У Курбана, афганца, который хлеб печет.

– Это старик, который лепешки в офицерскую столовую привозит?

– Да.

– Почему ему позволяют доставлять в часть наркотики?

– Никто ему ничего не позволяет. Да и наркота идет не только через него. Пехота с выходов на караваны столько анаши привозит, что можно в Кабуле лавку открывать. Нормально было бы. Неплохой бизнес.

– Да ладно тебе, Гена, пургу гнать. Привозят, базара нет, но и особисты не спят. Так прошмонают технику и бойцов, что хорошо, если жалкие крохи останутся, – проговорил капитан Игнатенко.

– Хватает и крох.

Бутаев взглянул на заместителя:

– Выпьешь?

– Так я же ответственный.

– Не будешь, и правильно, после отбоя приложишься, оставим. Ты ужинал?

– Да, только что.

– Тогда могу предложить чай.

Чайник наконец-то затих. Старший лейтенант засыпал в него заварку, выставил кружки.

– Давай за компанию.

– А ваши соседи где?

– В клуб пошли, бильярд, а потом фильм смотреть.

– Вот черт! – воскликнул Козырев. – Про фильм-то я забыл.

– Не загоняйся, – сказал ротный. – Сержанты отведут роту. Если кто-то захочет смотреть то кино, которое начальник клуба сегодня получил.

– А что за фильм?

Капитан Игнатенко рассмеялся и сказал:

– «Девчата». Нормально, да?

– Неплохой фильм.

– «Волга-Волга» тоже хороший. Еще «Тимур и его команда». Ничего нового. «Девчат» этих я за два года столько раз смотрел, что наизусть фильм помню.

Командир ремонтной роты достал бутылку водки, сорвал зубами крышку, разлил по кружкам. Бутаев налил замечательного ароматного зеленого чая. Ротные ударили кружками, выпили.

Михаил хлебнул немного чая.

Ротные закусили, добились одну бутылку. Появилась вторая.

Бутаев прикурил сигарету и проговорил:

– Эх, мужики, дождусь приказа и бортом в управление кадров. Прикидываете? В Ташкент! Там не стреляют, не увидишь духов, а вот девочек море. Интересно, кабак на проспекте так же работает?

– А с чего ему за год меняться?

Ротный взглянул на заместителя и спросил:

– Заходил в наш ресторан?

– Это где женщины толпой у входа стоят?

– Именно. Я как первый раз попал вместе с каким-то летуном, охренел по полной. Нигде не видел кабака, куда баб пускали бы только с офицерами. Напился я тогда в сиську. Проснулся на полу в какой-то квартире. Лежу на матрасе, а рядом молодая блондинка, совершенно голая. Оказывается, я в кабак ее завел, с ней и сидел. Потом мы оттуда ушли, точнее сказать, она увезла меня на такси.

– А почему на полу? На хате кровати не было или дивана? – с улыбкой полюбопытствовал Игнатенко.

Он тоже прошел через нечто подобное.

– В той комнате, где проснулся, был диван, но лежали мы почему-то на полу. Помню, я подругу еще толком рассмотреть не успел, как с лоджии вторая дама появилась. Тоже совер-

шенно голая. Мимо прошла, покачивая бедрами, забрела в туалет и назад. Потом откуда-то летун появился. Короче, вдвоем мы на одной хате с бабами оказались. Как кого зовут, не знаем. Выпили, оделись, на улицу, а девочки пищат, мол, вечером-то встретимся? Сказали мы, что обязательно увидимся, на улице рванули к первой попавшей пивной, похмелились и поехали в штаб. Вечером остался я в гостинице. Вот и теперь, как окажусь в Ташкенте, сразу в кабак этот занырну и оторвусь по полной. Потом в кадры, в отпуск и к новому месту службы. Может, успею в цивилизованную за границу попасть. Там пока еще есть наши части. А нет, то и хрен с ней. После Афгана везде служить можно. А тебе, Саня, до весны тут лямку тянуть?

Игнатенко кивнул:

– До мая. Ничего, зима проходит быстро.

– Тебя жена с сыном наверняка в Ташкенте встречать будут, да?

– Если сообщу, прилетят. Они у меня в Астрахани.

За разговорами, сдобренными выпивкой, время пролетело быстро.

В 21:40 Козырев поднялся и заявил:

– Пойду на отбой.

– Давай, – сказал Бутаев, как ни странно, с виду совершенно трезвый, хотя в нем сидело пол-литра. – Возвращайся. Доложишь, что к чему, выпьешь. У нас еще есть.

– Два пузыря, – проговорил захмелевший Игнатенко. – Сегодня всем должно быть хорошо, потому как неизвестно, что ждет нас завтра.

Козырев прошел в роту и сразу заметил, что там что-то не так. Дежурный Ревенко докладывал, что происшествий не случилось, а в глаза не смотрел. Дневальный куда-то метнулся, когда лейтенант вышел к палаткам.

– Почему команду на построение не подаешь? – спросил Козырев.

– Рота, выходи строиться на вечернюю поверку, – крикнул сержант.

Из палаток начали выходить бойцы. Не торопясь, по одному. Вид у большинства растерянный.

– В чем дело? – рявкнул Козырев. – А ну бегом!

Солдаты изобразили некое подобие бега, но их почему-то было мало, не больше половины.

– Я сейчас, товарищ лейтенант, – спохватился дежурный и бросился в палатку. – На выход, бегом! Быстро! Козырев пошел следом за ним и буквально наткнулся на рядового Шанина. Тот еле передвигал ноги, и разило от него как от винной бочки.

– Шанин!

– Я! – проговорил солдат и качнулся.

– Пьян?

– Никак нет, товарищ лейтенант. Устал сильно.

– Много вас тут, таких уставших?

– А хрен его знает.

Лейтенант оттолкнул солдата, тот отлетел к тумбочке дневального и что-то недовольно пробурчал. Козырев не обратил на это особого внимания.

Дежурный проскочил во вторую палатку.

Из первой лейтенант выгнал всех. Там крепко пахло спиртным. Вот и самогонка из ремроты.

Он направился к выходу, обдумывая, что предпринять, как откуда-то из-за второй палатки раздался крик:

– Не подходи, сука, порежу!

Козырев узнал голос. Это был Абид Губаханов. Тот самый, на которого ротный просил обратить внимание.

Михаил бросился на голос, за палаткой увидел кучу солдат, вставших полукругом. Внутри азербайджанец рядовой Абид Губаханов и армянин сержант Теван Баганян. В руке Губаханова нож.

– Мало вас, собак, в Сумгаите порезали! Надо было всех перебить! – выкрикнул он.

Баганян побледнел, стиснул зубы и сжал кулаки. На нож он даже не смотрел. А среди бойцов, которые встали полукругом, половина армян, остальные – азербайджанцы.

«Этого еще не хватало», – подумал Козырев, вошел в центр и встал между парнями, готовыми схлестнуться в рукопашной.

– Отставить! Губаханов, брось нож.

Глаза солдата из Сумгаита неестественно блеснули.

«Наркота», – понял Козырев.

– Я кому сказал, Губаханов, брось нож!

Ненавидящий взгляд солдата впился в глаза Козырева.

– Уйди, летеха, по-хорошему, а то завалю. Мне терять нечего.

– Брось нож!

– Не врубаешься, козел? – Губаханов бросился на офицера, но напрасно.

Михаил имел первый разряд по самбо.

Блок, захват, бросок. Нож полетел в одну сторону, Губаханов – в другую. Он вопил от боли.

Козырев резко повернулся к солдатам:

– Всем стоять!

Никто не двинулся с места.

– Дежурный! – крикнул Козырев.

Рядом возник сержант Ревенко.

– Открой зиндан.

Так назывался погреб, в котором хранились зимние вещи солдат. Была там и отдельная небольшая камера для особо отличившихся. Старший лейтенант Бутаев старался не выносить, как говорится, сор из избы. Себе дороже выйдет.

– Есть, товарищ лейтенант. – Сержант открыл замок, поднял крышку.

Козырев взглянул на земляков Губаханова и приказал:

– Грузите своего героя в погреб, в камеру! Ревенко, проверь.

– Есть.

Солдаты переглянулись.

– Под трибунал захотели, придурки? Выполнять приказ! – рявкнул Козырев.

Это подействовало. Азербайджанцы схватили Губаханова и опустили в погреб. Ревенко закрыл дверь в камеру, захлопнул крышку.

Козырев подошел к Баганяну:

– Что произошло между вами?

– А вы не слышали?

– С чего все началось?

– А с того, что Абид нюхнул дурь и слетел с катушек. Когда резня в Сумгаите была, его родственника кто-то ножом пырнул. Свалили на нас, армян, а потом погромы пошли. Наших резали, как баранов. Но это было еще зимой. И мы-то никогда не враждовали в роте. Что нашло на Губаханова, не знаю. Но это не он, товарищ лейтенант, а дурь.

– Откуда она взялась?

Баганян пожал плечами:

– Не знаю!

– А кто притащил в роту самогон из парка, тоже не знаешь?

– Какой самогон? – изобразил удивление сержант.

– Обычный, крепкий, перегнанный через дистиллятор.

– Не знаю!

– Ну, конечно, никто ничего не знает, никто ничего не видел. В строй всем!

Солдаты проследовали на площадку перед палатками. Ремонтная рота уже отбилась.

Возле дежурного стоял, помахивая тросточкой, майор Иванов. Вот только его тут и не хватало.

Дежурный построил роту, подал команду «смирно».

– Вольно! Лейтенант Козырев, ко мне! – приказал Иванов.

Тот подошел к пропагандисту полка.

– Товарищ майор, лейтенант...

Иванов махнул тростью.

– Вижу, что лейтенант Козырев. Объясни-ка мне, почему у вас в роте вечерняя поверка начинается... – Он взглянул на часы. – В двадцать два двадцать? Растолкуй, в честь какого праздника половина роты пьяна?

Козырев очень хотел задать встречный вопрос. Мол, а какого черта, собственно, вы, товарищ майор, делаете здесь? Но не решился, все же перед ним стоял старший офицер. Не важно, что совершенно никому не нужный.

– Построение затянулось по объективным причинам, суть которых я доложу своему непосредственному начальнику. Где вы видите половину роты пьяных? – довольно резко проговорил Козырев.

Иванов указал тростью на Шанина.

– Солдат, ко мне!

Рядовой подошел.

– Вы, лейтенант, хотите сказать, что этот боец трезв?

– Никак нет. Разберемся, накажем.

Пропагандист глянул на рядового Быстрова.

– Ко мне!

Солдат вышел из строя. Он находился в том же состоянии, что и Шанин.

– Этот тоже трезв?

– Никак нет. Но это все.

Иванов изобразил удивление.

– Вам этого мало? Прикажете проверить всю роту? Впрочем, что мне разговаривать с человеком, который еще три месяца назад наверняка сам бегал по самоволкам и пил водку. Где командир роты?

– Я не бегал в самоволку и не пил.

Пропагандист повысил голос:

– Я спросил, где командир роты?

– А вы не догадываетесь?

Иванов внимательно посмотрел на Козырева:

– Борзеть изволите, лейтенант? Отвечайте на вопрос!

– В модуле. Где ему еще быть?

– Прекрасно, вызывайте его!

– Разрешите напомнить, что старший лейтенант Бутаев, как и я, вам не подчинен. А посему вызывать его не вижу оснований. Ответственный по роте я, с меня и спрашивайте!

– Вот, значит, как? Майор вам никто? Хорошо. Вы убедитесь в том, насколько глупо и бестолково себя ведете. Дежурный по роте!

Из-за строя вышел сержант Ревенко, представился.

Иванов приказал:

– Отправить посыльного за старшим лейтенантом Бутаевым! Передать, что его по поручению заместителя командира полка по политической части вызывает майор Иванов. Быстро, сержант!

Ревенко взглянул на Козырева, тот отвернулся.

Если этот политрук уперся, то его уже не сдвинешь.

Посыльный побежал за Бутаевым.

Старший лейтенант явился через считанные минуты.

– Что здесь за шоу? – спросил он у Козырева, не обращая внимания на Иванова.

– Товарищ старший лейтенант, вас вызвал я, – напомнил тот о себе.

– Да? И что вам надо, товарищ майор?

Иванов объяснил. Спокойным тоном, способным вывести из себя любого. А Бутаев был пьян.

– Слушай, пропагандист, – проговорил ротный. – А не пошел бы ты... мимо? Что за натура? Суешь свой нос туда, куда собака хрен не пихает.

Пропагандист побагровел:

– Как вы смеее так вести себя? Я старше вас по званию.

– Мне еще раз послать тебя? При личном составе?

– Ты у меня завтра!..

– Пошел вон, шлюха политическая!

– Что?

– Вон, я сказал! Или приказать бойцам выкинуть тебя на плац? Это они сделают с огромным удовольствием.

Рота загудела как улей.

– Ты... вы оба завтра после развода узнаете!.. Под суд пойдете!

– Проваливай!

Майор развернулся, споткнулся и едва не упал, что вызвало смех солдат. Потом он быстро направился к штабу полка.

Бутаев повернулся к Козыреву.

– Хрен с ним. Тут-то что произошло? С чего Иванов придрался?

Заместитель доложил ротному о межнациональном конфликте, употреблении наркотиков Губахановым и двух пьяных солдатах. Это как минимум. Остальных не было времени проверить.

– Замечательно, – проговорил Бутаев. – Попали по полной. Иванов видел конфликт Губаханова и Баганяна?

– Нет. Там я успел навести порядок до появления пропагандиста, а вот Шанина и Быстрова он засек. А с чего Иванов к нам заявился? Стуканул кто?

– В роте стукачей нет. А Иванов сегодня ответственный по полку. Его вместо себя замполит выставил.

– Так, значит, он сейчас обо всем доложит майору Боровику?

– Не получится. Полкан с замами день рождения начальника штаба отмечают. Утром доложит. Но тогда доказать что-либо будет уже невозможно. Губаханов часа через три в себя придет, наши алкаши до подъема проспятся. Ничего особенного Иванов не видел.

– А разве майору надо что-то доказывать?

– Если доводить дело до расследования, то придется. Но кто позволит ему поднять шум? Он, Миша, никому не нужен. Но и донос Иванова начальство не проигнорирует. Замполит тебя обязательно прессанет. Да и меня тоже.

– Без сомнения. За одно выражение «шлюха политическая».

– Это Иванову слышалось. Прессанут нас, Миша, но так, для проформы. В худшем случае отделаемся выговорами. Ни тебе, ни мне в ближайшее время очередных званий не получать, а за год взыскания снимут. Но вот с ротой придется заняться по-взрослому.

– Надо!

Бутаев вызвал из строя всех сержантов, командиров отделений и дедов, прослуживших больше полутора лет.

– Слушать сюда! – заявил он. – Первое. В роте должен быть порядок. Второе. Если вы не наведете его законными методами, а не мордобоем и не дедовщиной, то я вам устрою такую жизнь по уставу, что вззоете. На дембель отправлю в рвань, без чемоданов, которые при вас сожгу. Кому-то, помнится, надо ходатайство в гражданские вузы? Получите такие, что и дворником никого не возьмут, несмотря на высокое звание воина-интернационалиста. О наградах я вообще молчу. Отсюда вопрос. Сами наведете порядок или мне принять жесткие меры?

– Да сами, товарищ старший лейтенант, – за всех ответил командир отделения, исполнявший в отсутствие старшины роты его обязанности.

– Контроль на лейтенанте Козыреве. Если он хоть словом обмолвится о том, что в роте что-то не так, кранты. Для вас начнется кошмар. Вопросы?

– Никак нет!

– До подъема Шанина, Быстрова и тех, кто бухал вместе с ними или ремонтниками, привести в надлежащий вид. Чтобы ни мути в глазах, ни перегара. Губаханова не трогать. С ним лично разберусь. Сержант Санин, провести поверку!

Пока сержант называл звания и фамилии личного состава, ротный отвел заместителя в сторону и сказал:

– Не дрейфь, Миша, прорвемся. Я с подъема проведу кросс, а на разводе посмотрим, что будет. Кстати, твоя кружка ждет тебя.

– Может, не надо? Перегар останется.

– Muskатный виноград пожуеть после завтрака, ничего не будет. Прорвемся. А расслабиться тебе надо.

– Нет, командир, извини, не буду.

– Пьянка дело добровольное, не будешь, не надо. А ты самбо в училище занимался?

– Да. Но, вообще-то, детский дом – неплохая школа выживания. Там слабину дашь, опустят ниже плинтуса. Хуже, чем в зоне-малолетке. Так что драться научился еще в детстве. А самбо да, в училище. Первый разряд.

– Молодчик!

Санин доложил о результатах проверки.

Ротный объявил отбой.

Солдаты ринулись в палатки и там затихли.

Офицеры прошли в модуль, каждый в свой отсек. Воскресенье закончилось. Наступали суровые армейские будни.

В понедельник на построении Бутаев и Козырев ожидали, что их вызовет если не командир полка, то уж замполит точно, но ничего подобного не произошло. Все прошло как всегда. Речь командира, заместителей, прохождение маршем, затем развод по местам занятий и работ.

Козырев привел роту к палаткам, отдал приказ на переодевание в рабочую форму, потом отозвал в сторону Бутаева и спросил:

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Думаю, еще все впереди. Хотя Иванов мог и промолчать.

– После того как ты открыто послал его?

– Именно поэтому. С его стороны грамотней было бы не придавать подобный инцидент огласке. Это не в правилах пропагандиста, но иногда и он включает мозги. Если бы хотел поднять вопрос, то мы с тобой уже сидели бы в кабинете замполита и писали бы объяснительные.

– Но это может произойти и позже.

– Вряд ли. Батальон и разведрота пошли на реализацию. Сейчас в штабе не до внутренних разборок. Решили бы задачу боевые подразделения. Но, Миша, не сомневайся, Иванов все досконально внес в свой блокнот для компромата и в нужный момент воспользуется им. Я-то плевать на это хотел, мне здесь уже ничего не сделают. Мое личное дело ушло в округ, значит, даже взыскание в него занести никто не сможет. Да и выносить сор из избы полкан не станет. Хотя посмотрим, день только начался.

Но и далее все шло по распорядку. Рота ушла в парк, где занялась обслуживанием техники.

Ротный с замом оставили в распоряжении только трех неприметных героев. Начали они, конечно же, с Губаханова.

Тот зашел в канцелярию, весь мрачный и рассеянный. Пальцы заметно дрожали.

– Разрешите, товарищ старший лейтенант?

– Заходи, орел комнатный!

Губаханов встал посреди отсека перед столом.

– Значит, говоришь, порежешь всех армян? – спросил ротный.

– Вы о вчерашнем?

– Ты дурака-то не включай.

– Я не включаю, честное слово, ничего не помню. Утром пацаны рассказали, что было, охренел сам. Ведь Баганян у меня командир отделения. Отношения у нас нормальные, как у всех азербайджанцев с армянами. То, что в Союзе происходит, – это временно, а тут мы одна семья.

– Во как заговорил. Одна семья. Что ж ты тогда своего сержанта завалить хотел?

– Не помню, товарищ старший лейтенант.

– На офицера с ножом дернулся. Хорошо, что лейтенант крепким и обученным оказался, обезоружил тебя и вырубил. А если бы ты хоть немного задел его ножом? Прикидываешь, что было бы? За нападение на офицера, посягательство на жизнь начальника в наших условиях тебя как минимум на десятку закрыли бы. А то и на все пятнадцать. А убил бы?.. Тогда расстрел.

Губаханов вытер рукавом вспотевший лоб.

– Клянусь Всевышним, не помню ничего. Все трава проклятая.

– Трава, значит?

– Так точно! Целый косяк выкурил, и повело.

– Где взял дурь?

– Товарищ, старший лейтенант!.. Этого сказать не могу.

– А придется, если не хочешь, чтобы я дал ход делу о вооруженном нападении на непосредственного начальника.

– Но это же западло, сдавать тех, кто помогает.

– Западло? Помогает? Да вас духи спецом на анашу сажают. Какой солдат из наркомана? Кто? Курбан?

– Никак нет!

– Последний раз повторяю, кто снабдил наркотой?

– Земляк из второго батальона. Товарищ старший лейтенант, клянусь, больше такого не повторится. И земляку скажу, чтобы завязал. Он меня послушает.

– Сколько уже трaviшься дурью?

– Да еще и месяца нет.

- А земляк?
- Так же.
- Где он наркоту взял? На выходе?
- Нет, в Булаке. Туда затариваться шмотками ездил. Он дед, скоро на дембель, вот и хотел купить подарков родным. У нас семьи большие...
- Ротный ударил ладонью по столу.
- Ты мне от темы не уходи! Плевать мне, какие у вас семьи. Значит, меньше месяца куришь?
- Месяц для ровного счета.
- Если месяц, то бросишь. Иначе в дурдом отправлю, понял?
- Так точно!
- Теперь за тобой особый контроль будет. Взводного привяжу к тебе, да и Баганяна тоже. Кстати, перед сержантом и лейтенантом извиниться надо бы.
- Так точно, перед Теваном я уже извинился. Он понял, зла не держит. Товарищ лейтенант, прошу простить меня за вчерашнее поведение.
- Бутаев взглянул на Козырева.
- Принимаешь извинения?
- Принимаю. Но учти, герой, еще одна такая выходка, и командиру роты не надо будет тебя в психушку на лечение отправлять. Я тебя сам определяю в реанимацию.
- Так точно, товарищ лейтенант.
- Пошел в парк! Никому из посторонних ни слова. Держи язык за зубами.
- Понял! – Губаханов, радуясь, что легко отделался, убежал в парк боевых машин.
- В канцелярию зашли рядовые Шанин и Быстров.
- Эти выглядели получше. Сказались сон, зарядка, завтрак. По внешнему виду и не скажешь, что вчера вечером еле на ногах стояли.
- Солдаты были земляками, из одного села Тамбовской области. Шанин и Быстров являлись даже родственниками, пусть и дальними. Они полгода прослужили в одном отделении и всегда держались вместе.
- Ну что, братья-акробаты? Накушались вчера?
- Солдаты переглянулись, и Шанин ответил:
- Так точно, товарищ старший лейтенант.
- Повод?
- Да какой повод. Подвернулся случай, вот и выпили.
- Откуда пошло?
- Солдаты нахмурились, опустили головы.
- Я задал вопрос, – заявил Бутаев.
- Бойцы молчали.
- Понятно. Своих не сдаем, так?
- Товарищ старший лейтенант, а вам не приходилось в училище бухать? – задал неожиданный вопрос Быстров.
- Что? – Ротный усмехнулся.
- Пить в увольнении или в роте?
- С каких это пор рядовой получил право задавать подобные вопросы своему начальнику?
- Ну а если не по-военному, а по-человечески?
- Приходилось, если по-человечески. А что?
- И вы ни разу не залетали?
- Залетал и за это, между прочим, на губе сидел.
- А товарищей своих, с кем бухали, сливали командованию?

– Вот ты как повернул, Быстров. Не пройдет. У меня своя служба. Сейчас я твой начальник.

– Это получается так, я начальник, ты дерьмо, – тихо проговорил Шанин.

Бутаев повернулся к Козыреву.

– Ты погляди на этих клоунов, Миша. Они нас с тобой развести решили.

– А что, нормальная тактика. Лучшая оборона – это нападение.

– Нападение? – Ротный поднялся, обошел стол, сблизился с солдатами.

Те вжали головы в плечи.

– Не бойтесь, бить не буду.

– Это знаем. Вы не трогаете солдат. В отличие от командира пятой роты. Тот замордовал уже весь личный состав. Да еще по пьянке играет на баяне, а солдат заставляет плясать, – сказал Шанин.

– Ты мне зубы не заговаривай! Откуда взяли самогон?

Вновь молчание.

– Ладно. Я сам скажу. Дружки из ремроты с вами поделились. Они выгнали пойло через дистиллятор. Так?

Молчание.

– Фамилии дружков назвать?

Молчание.

– Не вынуждайте меня!.. – Бутаев начал терять терпение.

Быстров поднял голову:

– Да, мы выпили, товарищ старший лейтенант, нарушили дисциплину и за это готовы понести наказание. А где взяли пойло, кто дал, извините, не скажем. Западлю это.

– В натуре клоуны. Похмелье поди мучает?

– Никак нет, – в один голос ответили солдаты.

– В ваши годы редко у кого похмелье случается. Но это дело наживное. Сначала с утра потянет на пиво, потом на рюмку водки или стакан вина. В конце концов вы без спиртного головы поднять не сможете, так и будете лежать в собственной блевотине.

Шанин ухмыльнулся и спросил:

– Это вы по собственному опыту знаете?

Быстров толкнул его.

– Заткнись, придурок!

Ротный уставился на Шанина.

– Борзый, да? А для таких типов и наказание соответствующее. У нас в сортире два очка забиты, да?

Солдаты переглянулись.

Быстров поморщился и сказал:

– Три.

– Так кто, по-твоему, Шанин, вычистит сортир?

– Да уже ясно.

– Не слышу ответа.

– Мы.

– В десятку! Так что переодевайтесь в химзащиту, берите инструмент, какой определите сами, – и вперед. Срок вам – сутки. Вздольному доложите, я приказал. Вопросы?

– Никак нет!

– Но если скажете, кто дал самогон, отменю приказ.

– Разрешите идти чистить сортир? – спросил Шанин, оставив без внимания реплику ротного.

– Идите. Бог вам в помощь!

Солдаты довольно четко повернулись и вышли из отсека.

Бутаев прикурил сигарету.

– Нормальные пацаны, – сказал он и выпустил облако дыма.

– Нормальные, – согласился Козырев. – Не слишком ли ты с ними строго? Ведь их в роте засмеют.

– Не засмеют. Эти могут постоять за себя. Вот увидишь, им еще помогать будут. Ладно, с этим разобрались.

– В парк?

– Да чего там делать? Взводным мешать? А где, кстати, наш писарь? Завтра же политзанятия.

– А может, сами конспект напишем?

– Сдурел?

– Не надо заставлять Сангулова.

– Кто же напишет? Губаханов? Он, пожалуй, такой конспект заделает, что все охренеют.

У него до сих пор Польша и Болгария входят в НАТО, а не в Варшавский договор.

– Если власть верховная за ум не возьмется, то скоро так и будет.

– Не будет, Миша, никогда. Неужто Союз не удержит какую-то Польшу?

– Кто знает, Гена.

За палаткой что-то громко ухнуло.

Бутаев вскочил со стула.

– Граната?

– Если только наступательная РГД и где-то в помещении.

– Сортир! Точно!

Офицеры выбежали из палатки. Рядовой Быстров, весь в дерьме, тащил из общественного туалета земляка, выглядевшего точно так же. Из сортира несло дымом.

– В чем дело? – крикнул Бутаев.

Быстров вздохнул:

– Промашка вышла, товарищ старший лейтенант.

– Гранату в очко бросили, придурки?

– Нет, взрывпакеты, связку из трех штук.

– На хрена?

– Дерьмо внизу как бетон, хотели раздолбить.

– Что с Шаниным?

– Ноги!

– Что ноги?

– Осушило.

– Он что, вместе с взрывпакетами влез в очко?

– Никак нет. Его положить на кровать надо.

– Куда? Вы себя видели со стороны?

– Никак нет.

– Так посмотри на друга.

– Твою мать! – проговорил Быстров. – Надо же так уделаться. Но у Шанина ноги...

– Тут клади, ближе к умывальнику. Дежурный!

У палатки стоял дневальный и давился от смеха.

– Отдыхает, товарищ старший лейтенант! Я за него.

– Шланг тащи, отмывать придурков будем. Второму дневальному передай, чтобы за плацем и штабом смотрел. Пусть предупредит, если начальство появится.

– Так взрыв слышно было только вблизи. Даже танкисты не выходили, а в штабе...

– Рот закрой и выполняй приказ!

– Есть!

Дневальный принес шланг, привинтил один конец к крану, другой держал в руке.

– Начальства нет? – спросил Бутаев.

– Никак нет!

– Давай, отмывай собратьев по несчастью.

Водокачка давала хороший напор. Дневальный за несколько минут сбил дерьмо с общевойсковых защитных комплектов, в которые были одеты чистильщики сортира. Быстров снял ОЗК с себя, потом стянул его и с Шанина.

Тот лежал и безразлично глядел в небо.

– А теперь в палатку его, на кровать, – приказал Бутаев.

Дневальный и Быстров перенесли Шанина в палатку, уложили.

Командир роты нагнулся над ним.

– Шанин? Ау!

Боец словно очнулся.

– А? Что?

– Ноги как?

– А где я?

– В цирке, где же еще.

– Зачем?

– За надом. Ноги как, спрашиваю?

– Не знаю.

– Пошевели пальцами.

Солдат сделал это.

– Слава богу, – проговорил Бутаев, повернулся к Козыреву и сказал: – Миша, сходи в полковой медицинский пункт, позови сюда Валеру.

– Это лейтенанта Родина?

– Его и никого другого.

– А если он занят?

– Скажи, я просил. Очень нужен. В подробности не вдавайся.

– Он наверняка поинтересуется, что из инструментов, медикаментов взять с собой. Для этого ему надо знать, что тут произошло.

– Скажи, ничего страшного, онемение ног в результате действия взрывпакета. И не трати хоть ты время, Миша. Нам сейчас как раз не хватает тут начальства и особенно майора Иванова.

– Ушел!

Врач лейтенант Родин, с которым ротный нередко выпивал, никаких вопросов не задавал. Он взял полевую санитарную сумку и с Козыревым прошел в палатку роты.

Там доктор поморщился и заявил:

– Такое ощущение, что здесь кто-то наложил в штаны.

– Привет, Валера!

– Здорово. Кто и от чего у тебя обделался?

– Ты глянь, что с ногами у бойца.

Врач прошел к койке Шанина, сбросил простыню, долго изучал, млял ноги, особенно ступни и пальцы.

Наконец он вынес вердикт:

– Ничего страшного. Медицинскими терминами я тебя, Гена, нагружать не буду, скажу одно, часа через два встанет твой боец.

Старший лейтенант облегченно вздохнул и осведомился:

– А в санчасть его не надо?

- Если хочешь неприятностей, давай, оформлю.
 - Ему не надо? На неприятности я клал.
 - Ему не надо.
 - Тогда все. Пузырь с меня, Валера.
 - Ловлю на слове. Вечером я свободен. Завтра заступаю в наряд. Значит, жду сегодня.
- Пока. – Родин ушел.
- А ну пошли на разбор полетов, – сказал ротный Быстрову.
 - Куда?
 - В спортивный городок. Не в канцелярию идти с ароматом, который прет от тебя. Офицеры и Быстров прошли на спортгородок, присели на лавку.
 - Ну, Быстров, докладывай, что вы учудили в сортире.
 - Так я уже докладывал. Три крайних очка за перегородкой забиты, сверху жижа, а вот глубже дерьмо спрессовалось. Хоть отбойным молотком работай, а где его взять?
- Козырев улыбнулся и сказал:
- Зато полно взрывпакетов.
 - Так точно. Кстати, рвануть дерьмо предложил Серега. Я сомневался.
 - Дальше.
 - Ну а как рвать? Дерьмо-то вылетит через очки.
 - Очень правильное замечание. Зачем же тогда рвали?
 - Серега предложил два очка чугунными колодезными крышками закрыть – они возле ремроты лежат, – а на третье просто лист металла положить. Тот у палатки нашей. Серега сказал, что встанет на него, чтобы он не взлетел. Одного взрывпакета мало, связали три. Я поджег, Серега поднял лист, я бросил, он встал. Тут так рвануло, что Серега вместе с листом к потолку, а из очка дерьмо фонтаном. Крышки выдержали, а лист с Серегой нет. Спикировал он назад и лежит, закатив глаза. Я к нему. Он – ноги, мол. Я потащил его на выход. На улице вы с лейтенантом Козыревым.
 - Ну а как сортир? Пробили корку дерьма?
- Быстров пожал плечами:
- Не знаю, надо посмотреть.
 - Я уже поглядел. Все стены и потолок в дерьме. Про пол не говорю.
 - Да, лоханулись мы.
 - Говорю же, клоуны. Что делать будем? Ты понимаешь, что земляк твой мог и без боя ног лишиться? Хорошо, что всего лишь осушил. Отойдут. А вот сортир теперь не только чистить, но и закрывать на ремонт придется. Куда будете по нужде ходить?
 - Можно к пехоте или к танкистам.
 - Вот вам вся наша рота спасибо скажет. Ничего без контроля доверять нельзя. Это же надо додуматься! Взрывпакеты в очко!
 - Кто ж знал, что так выйдет, товарищ старший лейтенант. А может, без ремонта обойдемся, из шланга все смоем? Сортир же не пострадал. Я имею в виду стены, потолок.
 - Тогда надевай обратно ОЗК и вперед, отмывать внутренности заведения. Только теперь без каких-либо дополнительных взрывных моющих средств.
 - Один не управлюсь.
 - Ладно, вали в парк, передай взводному, чтобы выделил тебе человека. А оклемается Шанин, и он подключится. Подрывники хреновы!
 - Разрешите идти?
 - Да проваливай ты, Быстров. Кто бы знал, как достал уже.
 - Виноват, товарищ старший лейтенант, исправлюсь.
 - Ты еще здесь?

– Уже нет. – От входа боец добавил: – Не беспокойтесь, за сутки со всем управимся. Сортир блеснуть будет.

– Лишь бы не от дерьма.

Быстров убежал в парк.

Ротный и заместитель вернулись в палатку. Дневальные подняли пологи. Запах был уже не столь заметен, но еще оставался.

Офицеры прошли в канцелярию. Ротный присел на стул, бросил перед собой пачку сигарет и зажигалку.

– Что за напряги за последние сутки, Миша? Ох, чует мое сердце, не к добру это, – проговорил он.

– А меня напрягает поведение Иванова. Не мог он все так вот оставить, – сказал Козырев.

– Ты соскучился по пропагандисту?

– Очень.

– А давай-ка узнаем, чем занимается майор.

– Каким образом?

– Помощником оперативного дежурного начпрод заступил. Вася Скворец. У него и спросим. Я звоню.

Бутаев набрал номер по линии внутренней связи. Громкость старого аппарата была такой, что и Козырев мог слышать разговор.

Сперва раздались длинные гудки, затем:

– Помощник оперативного дежурного капитан Скворцов слушает.

– Привет, Вася, это Бутаев.

– Тебе, Гена, делать нечего?

– Дел у меня как раз выше крыши. Информация нужна.

– Спрашивай.

– Куда подевался майор Иванов? По-моему, его и на разводе не было.

– Пропагандист так нужен тебе?

– Интересно просто. Так где он?

– Ушел вместе с батальоном на реализацию.

Такой ответ крайне удивил командира роты материального обеспечения.

– Да что ты? Иванов и на реализации?

– Представь себе.

– И кто же его послал?

– Командир. У того после отбоя и гулянки неприятный разговор с командиром дивизии состоялся. Содержания не знаю, но настроение у Шуханова, когда он из штаба вышел, было хреновое. Таким я его еще не видел. А тут пропагандист наш нарисовался. О чем-то доложить хотел. Шуханов и сорвался на нем. Я слышал, как подполковник кричал. Засиделись, мол, в кабинетах под кондерами. Вам служба медом кажется? Дальше в том же роде. А потом приказ. Пропагандисту, секретарям парткома и комитета комсомола, даже начальнику клуба убыть вместе с батальоном на боевые! Видел бы ты рожу Иванова. В общем, на реализации он. Все, мне звонок.

– Спасибо, Вася.

– Не за что.

Бутаев положил трубку, взглянул на заместителя и спросил:

– Слышал?

– Слышал.

– Вот так новость. Допекли эти ребята полкана. Теперь посмотрим, сохранит ли свою спесь Иванов и иже с ним. На выходе ему спрятаться за чужими спинами не удастся. Попал наш лощеный пропагандист как кур в ошип.

– Ты радуешься?

– Знаешь, Миша, я нормальным людям зла не желаю. Но такие типы, как наш пропагандист, к данной категории не относятся. Неужели он думал, что так и пробудет два года не офицером, а этаким смотрящим за стенгазетами и боевыми листками? Да еще награды станет получать? А ведь Иванов этого и хотел. Я слышал, что он в своей части под Москвой что только не предпринимал, чтобы откосить от Афгана. То жена у него больна, требуется уход, то сам чуть ли не при смерти. Залег в госпиталь на обследование, там у него корешок в верхах оказался. Не прокатило. Ему предложили должность замполита батальона с перспективой повышения в политотдел дивизии. Отказался. Только когда нарисовалось местечко пропагандиста, прикинул, что может получить неплохие дивиденды от службы в Афганистане. Тут тебе и участник боевых действий, и награды. Второй раз сюда не пошлют. Вернется и вперед, наверх, в академию, на полк, дивизию. Сто против одного генералом себя видит, никак не меньше. И ведь дослужится, если сейчас вернется и больше не попадет на войну. По головам пойдет, а добьется своего.

– Ему еще вернуться надо. Сам же говорил, что такие персоны погибают первыми.

– Я не желаю ему смерти. Пусть живет.

Рота вернулась из парка.

Бутаев оказался прав. Бойцы вдоволь насмеялись над незадачливыми подрывниками и стали помогать им.

После обеда, когда офицеры подходили к модулю, командира роты поджидал посыльный, отправленный дежурным по части.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться?

– Чего тебе?

– Вас и лейтенанта Козырева вызывает заместитель командира полка по тылу майор Левенко. Дежурный передал, это срочно.

– Хорошо, иди и скажи дежурному, что сейчас придем.

Солдат ушел.

– Интересно, что от нас нужно Хряку? – проговорил Бутаев. – Ладно, сейчас узнаем.

Офицеры прошли в штаб.

В кабинете заместителя по тылу никого не было.

– Вот те раз, – воскликнул Бутаев. – Кабинет нараспашку, а майора в нем нет.

В коридоре появился начальник строевой части.

– Ага, Бутаев и Козырев. Ступайте прямо к командиру полка, Левенко там.

– Спасибо, мы его здесь подождем.

– Так меня послали направить вас к командиру.

– Стало быть, что-то серьезное. Не знаете, что именно, товарищ майор?

– Да вроде рейс к аскерам планируется. Но точно не скажу. Да вы идите, у подполковника все и узнаете.

Бутаев и Козырев прошли к кабинету, находившемуся в торце добротного здания, единственного на территории полкового лагеря.

Бутаев приоткрыл дверь:

– Разрешите, товарищ подполковник?

– Входите!

Автомобилисты зашли. Ротный доложил о прибытии.

– Внимание, товарищи офицеры! – проговорил командир полка и ткнул указкой в карту, висевшую на стене. – Вот наша часть, кишлак Хакар, селение Калдара. Там, как вам известно, стоит полк афганских вооруженных сил, состоящий из двух батальонов. У наших братьев по оружию возникли проблемы с обеспечением. Колонну, которая шла к ним, духи разнесли в клочья. Афганское командование обратилось за помощью в штаб сороковой армии. Короче. Завтра в восемь тридцать колонной в десять машин при сопровождении бронетранспортера второй мотострелковой роты надо бросить аскерам снаряды для танков, соляру, бензин и вещевое имущество, в основном комбинезоны. Расчет такой. Четыре машины боеприпасов, три наливника, две транспортные и летучка. Старший колонны лейтенант Козырев. По личному составу ты, Бутаев, определишься вместе с майором Левенко. Вопросы?

– Товарищ подполковник, мой заместитель еще ни разу не выходил в рейсы. Разрешите вести колонну самому или назначить одного из командиров взводов, – проговорил ротный.

– Тебе когда заменяться, старший лейтенант?

– Жду приказа.

– Вот, а Козыреву еще служить и служить. Он может принять от тебя роту, если из ТуркВО или из армии никого не подгонят. Посему лейтенанту надо набираться боевого опыта. Не все же ему стенгазеты от пропагандиста прятать да нарушителей прикрывать!

– Товарищ подполковник!..

– Я все сказал. – Командир полка взглянул на заместителя по тылу. – Занимайся, майор! Начало движения колонны, повторяю, завтра в восемь тридцать. Командир второй роты пришлет офицера или сержанта, которого отберет в охранение. А это уже касается тебя, Козырев. Для связи возьми радиостанцию Р-159. Маршрут менее двадцати пяти километров. Станция с обычной антенной работает до двенадцати. При случае выйдешь на наш полк или на афганцев. Но трасса спокойная, в этом районе духов замечено не было. Пройдете без проблем, лишь бы техника не подвела. Если больше нет вопросов, то все свободны!

Глава 3

Селение Арби, понедельник, 19 сентября 1988 года

Самый большой дом в Арби принадлежал Омару Усману. Он владел отарой в несколько тысяч голов и по здешним меркам считался очень богатым человеком.

В большой комнате мужской половины дома сидели главарь крупной банды Амир Табрай, его помощник Басам Куани и Суфи Хаймулло, командовавший небольшим отрядом. Они пили чай и переговаривались.

Табрай сделал глоток ароматного напитка, сдобренного легким наркотиком, и проговорил:

– Значит, в Калдаре завтра ждут русскую колонну?

– Да, Амир, – подтвердил помощник. – У нас нет оснований не доверять информации Будура Аманди. До сих пор он ни разу не подвел нас.

Капитан Будур Аманди служил помощником начальника штаба афганского пехотного полка, дислоцирующегося в Калдаре.

– Я лично встречался с Аманди, это наш человек, – заявил Хаймулло.

– Может, он и наш, – сказал Табрай. – Но меня смущает то обстоятельство, что мы не получили данных по колонне от Курбана. О выходе батальона он предупредил, о колонне – нет. Почему?

Помощник пожал плечами:

– Возможно, не смог.

– Раньше он это делал...

Разговор моджахедов прервал хозяин дома.

Он заглянул в комнату и обратился к Табраю:

– Господин, пришел Набил, сын Курбана.

– С чем пришел?

– Передать, что завтра в Калдару выходит колонна. Будете говорить с ним?

– Пусть зайдет!

Вошел шуплый юноша лет шестнадцати, поклонился, вежливо поздоровался.

– Салам, – ответил Табрай. – Говори!

– Отец просил передать, что завтра в восемь тридцать из русского полка в Калдару выходит автоколонна из десяти машин и один бронетранспортер охранения.

– Что повезут русские, отец узнал?

– Да, господин. В колонне будут четыре «Урала» с танковыми снарядами, три автоцистерны с солярой и бензином, две грузовые машины с разным вещевым имуществом, автомастерская. Ну и БТР.

– Что известно по старшему колонны?

– Лейтенант Козырев, совсем молодой офицер. Он недавно прибыл в полк. Это его первый рейс.

– Кто из офицеров еще будет в колонне?

– Отец не сказал. Он этого не знает.

– Ладно. – Табрай взглянул на хозяина дома, стоявшего слева и чуть позади юноши. – Омар, накорми парня, определи место отдыха...

Сын Курбана прервал главаря банды:

– Извините, господин, но до утра я должен быть дома. Таково веление отца.

– Тогда попей чаю и ступай. Или ты на коне?

– Нет, пешком пришел, так надежнее.

– Иди, да хранит тебя Всевышний.

– Еще раз извините, господин. Отцу что передать?
– Скажи, чтобы был осторожен и продолжал сообщать нам обо всем, что происходит в полку.

– А как насчет денег? У нас с этим туго. Русские платят мало, в кишлаке работы нет.

Табрай усмехнулся и заявил:

– Деньги всем нужны. – Он повернулся к Куани и приказал: – Дай ему двести афгани!

Помощник передал парню деньги.

Тот вздохнул и спросил:

– Так я пошел?

– Иди!

Юноша удалился, Усман закрыл створки двери.

– Вот и информация от Курбана, – проговорил Хаймулло.

Табрай прекрасно знал местность, поэтому в карте никакой необходимости не испытывал.

– Колонна пойдет в Калдару мимо Арби. Это около двадцати пяти километров. На марше русские держат скорость сорок-пятьдесят километров в час. Значит, до Калдары они дойдут за тридцать минут, – сказал он.

Хаймулло покачал головой.

– На переправе через Арбинку потеряют минут десять.

– Нашел тоже препятствие. – Табрай отодвинул пустую чашку, помощник тут же наполнил ее. – Сейчас это не река, а ручей. Русло ровное, каменистое, берега пологие, спуски пробиты.

– Днем прошел афганец. В горах была гроза и сильный дождь. Так что воды может быть много, – возразил Хаймулло.

– Сейчас не весна. Дождь был недолго, вода поднялась и спала, но это не важно. Пусть русские хоть час затратят на марш.

– Неужели мы не пойдем на эту колонну, такую доступную, практически беззащитную?

Табрай повернулся к полковому командиру.

– Ты слышал, что сказал сын Курбана? Русские повезут танковые снаряды, соляру, бензин, тряпье. Нам нужны снаряды для танков, которых у нас нет?

– Но дело не в этом, а в уничтожении колонны. У меня двенадцать воинов, которые разнесут русских в клочья. Разве мы пришли сюда не затем, чтобы бить гяуров?

– Затем, Суфи. Но бить так, чтобы пополнить и наши запасы, которых осталось суток на трое. Мы атакуем и разгромим эту колонну, а потом вынуждены будем уйти в горы. И не на трое суток, а на гораздо больший срок. Чем станем кормить бойцов и обороняться, если русские устроят преследование? А они это сделают. Разгром колонны без последствий не оставят.

– Значит, будем сидеть в Арби и бездействовать?

– Будем ждать, Суфи.

– Но чего, Амир?

– Момент, когда в Калдару пойдет другая колонна со складов армии Наджибуллы.

Хаймулло хмыкнул и проговорил:

– Почему-то сейчас в пехотный полк боеприпасы, горючку и вещевое имущество поставляют русские со своих полковых складов. Значит, в Калдаре не особо рассчитывают на свой тыл.

– Наши братья разгромили их колонну. Командование пехотного полка должно запросить у русских и продовольствие, и боеприпасы для стрелкового оружия. По информации Аманди, склады в Калдаре пусты. Не тебе объяснять, как воюет правительственная армия. Эти герои за один рейд умудряются истратить весь боекомплект, каким бы он ни был.

Помощник главаря усмехнулся и сказал:

– Это да. В августе батальон их полка зачищал ущелье. Наших там было с десяток. Работали только снайперы. По два выстрела сделали. В ответ рота пехоты открыла такой огонь, будто попала под обстрел целой дивизии. Солдаты палили до тех пор, пока у них не закончились патроны. Но и этого для них оказалось мало. Отстрелявшаяся рота отошла. На ее место встала другая и тоже обстреливала из всех стволов склоны, на которых никого не было. Войска Наджибуллы – это не русские. Те дали бы по склонам один залп и пошли бы дальше. Пехотинцы из Калдары так до вечера и обстреливали ущелье, потом вернулись в свой полк. Для таких вояк никакого арсенала не хватит.

– Хорошо, что они так воюют. Вернее сказать, изображают это занятие. Но я считаю, что русскую колону пропускать нельзя.

Табрай повысил голос:

– Ты, Суфи, оставь свое мнение при себе. Я сказал, что на эту колонну мы не пойдем. Но отряд свой выведи ночью в западную часть леса.

Селение Арби располагалось в километре от дороги. Позади домов зеленел виноградник. За ним полукругом тянулся лесной массив, подходящий к дороге на пятьдесят-сто метров.

– Не понял тебя, Амир. Мы же не будем атаковать русских. Зачем тогда выводить людей на позиции?

Табрай скривился и заявил:

– Ты меньше рассуждай, Суфи, больше делай. Причем то, что тебе приказывают.

– Но мне надо знать задачу.

– Она проста. Тебе надо вывести отряд в западную часть леса, рассредоточить для проведения атаки и ждать дополнительной команды.

– Сколько мне сидеть в лесу?

– Сколько надо, столько и будешь. Да и какая тебе разница, где сидеть, в южной части леса или в западной?

– В южной мы можем палатки поставить, в крайнем случае шалаши, пищу готовить. А у дороги ничего такого не сделаешь.

– Ничего, сейчас по ночам тепло. Твои воины обойдутся без шалашей и палаток, которые демаскируют отряд.

– Хоп, – сказал Хаймулло. – Я выполню приказ, но предупреждаю, мои люди не поймут тебя.

– А это от них и не требуется.

– Может, свяжемся с господином Гатаяром?

– Ты считаешь, Усама вмешается в мои дела?

– Мы сможем сослаться на его приказ.

– Суфи, ты собираешься отчитываться перед рядовыми бойцами? Я не узнаю тебя.

– А я – тебя. У нас есть прекрасная возможность нанести удар по русским, ты же отвергаешь ее. Или говоришь мне не все из того, что знаешь сам?

– Какой же ты неугомонный. – Табрай вздохнул. – Постоянно пользуешься моей добротой. Другой начальник на моем месте давно отправил бы тебя к повару на кухню. А я терплю.

– Потому и терпишь, что мой отряд лучший у тебя!

– Ладно, вижу, что ты от меня не отвяжешься. Я решил пропустить колонну потому, что Аманди сбросил информацию не только по завтрашнему дню. Командир пехотного полка майор Хайбари завтра, по получении груза, намерен просить русских прислать в Калдару еще и продовольствие с патронами, выстрелами для РПГ и минами. Все это должно было прийти в полк позже, ориентировочно двадцать пятого числа. Но вышестоящие штабы договорились, что русские сейчас помогут Хайбари, а майор в воскресенье вернет долг. Колонна с тыловых складов правительственной армии в любом случае пойдет через Хакар. Там русские и снимут с машин то, что передадут сейчас. Так что будет еще одна колонна. Скорей всего послезавтра.

Командир русского полка не откажет своим братьям по оружию даже без согласования штабов. Завтра к нам подойдет Надри с мулами. Мы захватим груз, нужный нам, уйдем в горы и далее будем действовать по плану штаба Гатаяра.

– А раньше ты не мог сказать мне об этом? Не доверяешь?.. – воскликнул Хаймулло.

– Если бы не доверял, то отправил бы на позиции без объяснений. На этом все, Суфи. Закончим разговор. Время позднее, пора спать.

– Ты не ответил на вопрос.

– А я и не обязан на него отвечать.

– Хоп! Я выполню приказ, а сейчас пройду к отряду и заночую в лесу.

– Обиделся? Напрасно. Столько лет воюешь, должен уже понимать, что командир не всегда может быть откровенным даже с самыми близкими людьми. Учитывай, что над твоим командиром есть другой начальник, который определяет, кому и что следует делать в той или иной ситуации. Ступай, Суфи, не задавай больше вопросов. Я и так сказал тебе больше того, на что имел право.

– Я понял тебя, Амир. Но вопрос все же задам. Во сколько конкретно мой отряд должен быть на позициях?

– В восемь утра.

– Хорошо.

– Спокойной ночи!

Полевой лагерь N-ского мотострелкового полка у селения Хакар

Комплектование колонны закончилось до ужина. Заместитель командира полка по тылу и начальники служб обеспечили загрузку автомобилей всем необходимым. Охранение колонны было усилено еще одним бронетранспортером из взвода старшего лейтенанта Зайца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.